

Л. А. Фитуни¹

АСИММЕТРИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ВНЕШНЕМУ УПРАВЛЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫМИ ЭЛИТАМИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ²

Одной из ключевых характеристик современного этапа перехода к полицентричному миру является постепенная утрата доминировавшими прежде «старыми» странами-лидерами (США и некоторые другие государства Запада) своих исключительных глобальных позиций³. Тем не менее западные державы пытаются по возможности удержать их, используя для этого как силовые, так и несиловые методы. Именно эта особенность современного мира ведет к снижению уровня предсказуемости и управляемости.

Неизбежно ли перерастание нынешней непредсказуемости и нестабильности мира в крупную войну? Если согласиться с тем, что ленинская теория империализма не есть нечто в корне неверное, то придется вместе с этим принять и его вывод: пока существует империализм, войны неизбежны.

Действительно ли его утверждение и в наши дни? Ведь, как известно, на XX съезде КПСС Н. С. Хрущев «подправил» В. И. Ленина, пояснив, что указанное положение было абсолютно правильным для того времени, когда «1) империализм был всеохватывающей мировой системой и 2) общественные и политические силы, не заинтересованные в войне, были слабы, недостаточно организованы и не могли ввиду этого заставить империалистов отказаться от войн...» «Но в настоящее время, — продолжал в 1956 году Первый секретарь КПСС, — положение коренным образом изменилось. Возник и превратился в могучую силу мировой лагерь социализма. В лице этого лагеря миролюбивые силы имеют не только моральные, но и материальные средства для предотвращения агрессии... фатальной неизбежности войн нет. Теперь имеются мощные общественные и политические силы, которые располагают серьезными средствами для того, чтобы не допустить развязывания войны империали-

стами, а если они попытаются ее начать — дать сокрушительный отпор агрессорам, сорвать их авантюристические планы»⁴.

Применимо ли это положение сегодня? Это не праздный вопрос, поскольку напрямую связан с тем, насколько вероятно перерастание сегодняшней глобальной неопределенности в мировую войну. Во многом это вопрос о потенциале антивоенных сил в мире. «Могучего социалистического лагеря», на сдерживающую роль которого ссылался Н. С. Хрущев, больше нет. Его единство было разрушено в немалой степени усилиями самого Первого секретаря. Мощь и влияние антивоенного движения в мире в основном сошли на нет к концу периода правления М. С. Горбачева.

После распада СССР мир постепенно вернулся к предсказуемо детерминированным параметрам эпохи обострения межимпериалистических противоречий: 1) империализм в новых формах глобализации стал всеохватывающей мировой системой, а 2) общественные и политические силы, не заинтересованные в войне, ныне слабы, недостаточно организованы и ввиду этого вряд ли в состоянии «заставить империалистов отказаться от войн».

Перед общественными, и прежде всего политическими, науками со всей настоятельностью встает задача обновления теории империализма применительно к нынешним реалиям. При этом важно понимать, что прежние марксистские подходы уже не могут механистически применяться к реалиям нынешнего дня, но по-прежнему многое объясняют в нынешней динамике развития событий на международной арене.

Сегодня мы стесняемся лишний раз использовать термин «империализм». В отечественной политической и экономической науке это слово применительно к анализу современности едва ли не табуировано, а зарубежные источники — как претендующие на научность, так и массовые СМИ — используют его в основном с определением «российский».

В основе такого положения дел — опасения быть обвиненным в «идеологизации» научных исследований. Между тем объективная реальность показывает, что отождествление исследования современного империализма (не только «российского») с коммунистической идеологией — большое заблуждение и результат научной малограмотности.

Приведу любопытную цитату из книги В. В. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма»⁵: «Немецкий оппортунист Гергард Гильдебранд, который в свое время был исключен из партии за защиту империализма, а ныне мог бы быть вождем так назы-

¹ Заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований Института Африки РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор. Член научного совета при Совете безопасности РФ. Автор более 280 научных работ, в т. ч.: «Ислам, глобальное управление и новый миропорядок» (в соавт.), «Африка и национальные интересы России» (в соавт.), «Африка: ресурсы войны XXI века», «Экономика международного терроризма», «Международное движение капитала в условиях глобализации», «Финансовый мониторинг» (учеб. пособие), «Теневой оборот и „бегство капитала“», «Преодолем ли голод? Ключевая проблема развивающихся стран» и др. Главный редактор журнала «Ученые записки Института Африки» и серийного издания «Глобальные и стратегические исследования». Член редколлегии 6 журналов (в т. ч. «Азия и Африка сегодня», *Journal of Financial Crime*, *Journal of Money Laundering Control* и др.). Заместитель председателя экспертного совета РГНФ по глобальным проблемам и международным отношениям. Президент московского Независимого центра документации по вопросам свободы, демократии и законности.

² Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН на 2019 год «Анализ и прогноз новых глобальных вызовов для России», подпрограмма «Африка в новых глобальных реалиях: вызовы и возможности для России».

³ Фитуни Л. Л. Смена моделей мирового развития и глобальное управление в цивилизационном измерении // Восток. Африканские общества: история и современность. 2013. № 4. С. 18–29.

⁴ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г. Стеногр. отчет. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 1. С. 37–38.

⁵ Гильдебранд Г. Потрясение господства промышленности и промышленного социализма (*Hildebrand G. Die Erschütterung der Industriegesellschaft und des Industrioszialismus*) (цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 402).

ваемой „социал-демократической“ партии Германии, хорошо дополняет Гобсона, проповедуя „Соединенные Штаты Западной Европы“ (без России) в целях „совместных“ действий... против африканских негров, против „великого исламистского движения“, для содержания „сильного войска и флота“, против „японо-китайской коалиции“ и пр.».

Если абстрагироваться от ленинской озабоченности внутривластных проблемами германской социал-демократии тех времен, то оказывается, что списки «глобальных вызовов» начала XX и XXI веков (с учетом поправок на современность и ситуативные конкретные условия сегодняшнего дня) мало отличаются друг от друга.

На острие повестки дня, как и сто лет назад: 1) объединение Европы без участия России; 2) противостояние исламу и «африканским неграм» (сегодня последний аспект приобрел форму «проблемы африканской миграции»); 3) необходимость увеличения военных расходов (сегодня — НАТО) и распределения этого бремени между странами единой Европы; 4) угроза японо-китайской коалиции сегодня трансформировалась в угрозу необходимости Запада противостоять России и Китаю одновременно.

Конечно, есть и масса новых проблем: ядерное разоружение, изменение климата и многое другое. Однако и здесь, и там интересы правящих элит держав-гегемонов последовательно разрушают стабильность и предсказуемость в мире.

Сегодня трудно сказать, когда именно начались процессы расшатывания международного права и глобальной безопасности. Кто-то отсчитывает катастрофическое возрастание глобальной неопределенности от времени перерождения перестройки в развал Советского Союза, кто-то связывает эти процессы с приходом к власти в США нестандартно мыслящего и непредсказуемого президента Д. Трампа, соединившего для своей страны и для всего мира в одном «флаконе» аромат волюнтаризма Н. С. Хрущева, М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина.

Так или иначе, сегодня мало кто сомневается в том, что грядущий мир становится все менее предсказуемым, а уровень глобальной неопределенности нарастает даже по сравнению с последним десятилетием холодной войны.

Между тем с окончанием последней, казалось, дело шло, наоборот, к тотальной предсказуемости и концу истории¹. Ведь утверждалось, что с реставрацией капитализма на территории бывшего СССР демократия и либеральные подходы к мировому развитию продемонстрировали свою историческую безальтернативность.

Уильям Кристалл и Роберт Каган предначертали граду и миру необходимые контуры глобальных трансформаций в проекте «Новый американский век»², заложив в его основу концепцию «всеобъемлющего доминирования» («full spectrum dominance») США. В новом предсказуемом и управляемом мире у этого гегемона не должно быть соперников ни на суше, ни на море.

¹ Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N. Y. : Free Press. 1992.

² <http://www.newamericancentury.org> (дата обращения: 28.01.2019).

В рамках концепции «всеобъемлющего доминирования» воздушное, космическое, экономическое и политическое господство США в мире было обеспечено. Гарантом этого, по мнению Ричарда Перла³ и Пола Вулфовица⁴, выступает военная доктрина победоносного упреждающего ядерного удара («first strike winnable nuclear war»). Основные положения так называемой доктрины Вулфовица и ее дальнейшего развития — доктрины Дж. Буша-младшего, несмотря на изначальную волну негодования и критику даже со стороны представителей американского истеблишмента (сенатор Эд. Кеннеди квалифицировал их как «воззвание американского империализма XXI века, которое ни одна нация не может и не должна принять»⁵), последовательно реализуются по сей день.

Ключевые пункты, прописанные Вулфовицем (тогда заместителем министра обороны США) и его подчиненным Льюисом Либби в 1992 году в «Руководстве по оборонному строительству» и донесенные до всего человечества «Нью-Йорк таймс» постулируют:

«В мире господствует одна сверхдержава...

США должны демонстрировать лидерство, необходимое для установления и защиты нового порядка, который обещает убедить потенциальных конкурентов в том, что им **не нужно стремиться** к большей роли или занятию более агрессивной позиции для защиты своих **законных интересов**. В областях, не связанных с обороной, мы должны в достаточной степени учитывать интересы **развитых** индустриальных стран, чтобы не поощрять их бросать вызов нашему руководству или пытаться свергнуть установившийся политический и экономический порядок. Мы должны установить механизм, отводящий потенциальных конкурентов даже от помыслов о более значительной региональной или глобальной роли (выделено мной. — Л. Ф.)»⁶.

Другими словами, США устанавливают незыблемую мировую иерархию с собой во главе. В ее рамках Вашингтон готов до определенной степени учитывать интересы развитых стран (читай — Запада). Остальные государства не имеют права даже помышлять о защите своих интересов, будь они даже абсолютно законными и естественными.

Переход к предсказуемому и стабильному миру нового американского века должен был происходить плавно, гладко, но в то же время динамично. Остаточные неровности на магистральном пути к свободе, свету в виде огромного числа недемократизированных пока стран мира планировалось «закатать асфальтом народных революций и восстаний», которые неизменно заканчивались бы сменой режима.

³ Perle, a Pentagon adviser, sees more preemption in future // International Herald Tribune. P., 2003. Apr. 12. URL: <http://www.ihrt.com/articles/93022.html> (дата обращения: 08.03.2019).

⁴ Tyler P. U. S. Strategy Plan Calls for Insuring No Rivals Develop: A One-Superpower World // New York Times. 1992. March 8. URL: <https://www.nytimes.com/1992/03/08/world/us-strategy-plan-calls-for-insuring-no-rivals-develop.html> (дата обращения: 08.04.2019).

⁵ Цит. по: Caputo Leiva O. The World Economy and the United States at the Beginning of the Twenty-first Century // Latin American Perspectives. 2007. Vol. 34, № 1. P. 9–15.

⁶ <https://www.nytimes.com/1992/03/08/world/us-strategy-plan-calls-for-insuring-no-rivals-develop.html> ; <https://www.archives.gov/files/declassification/iscap/pdf/2008-003-docs1-12.pdf> (дата обращения: 08.04.2019).

В последние годы Запад все шире использует асимметричные и гибридные методы, занимающие промежуточное место между силовыми и несиловыми средствами давления. К таким, можно сказать, «парасиловым» методам относятся различные односторонние или групповые санкционные механизмы, правовые рестрикции и угрозы экспроприации собственности в отношении представителей национальных элит. Большую роль в наборе прикладных инструментов воздействия играют действия по маргинализации оппонента, его очернению, запуску мощных потоков разноречивой информации с огромной долей негатива, которая, даже будучи впоследствии опровергнутой, оставляет за собой шлейф подозрений в отношении объекта информационных атак.

При прочих равных условиях большую роль играет работа с национальными элитами «восходящих» держав — «новых игроков», претендующих на значимые позиции в полицентричном мире, а также просто стратегически или геополитически важных стран Африки, Ближнего Востока, постсоветского пространства и других регионов мира.

В марте этого года на одном политическом форуме я услышал из уст влиятельного еврочиновника из страны с гордым колониальным прошлым следующее: «В этом регионе мира мы настолько эффективны, что местные лидеры соревнуются в том, чтобы продать себя раньше и дешевле остальных». В интонациях оратора не звучало ни презрения, ни высокомерного цинизма. Для него сказанное было констатацией факта, резюме отчета об успешно выполненной работе.

Следует оговориться, что принципиальной исторической новизны ни в сути, ни в оценке описываемой оратором ситуации нет. Такое в мире случалось и ранее. Схожим образом, например, можно было охарактеризовать модель поведения представителей местной знати в многочисленных африканских «королевствах», султанатах и «независимых государствах» накануне Берлинской конференции 1884/85 года — той самой, которая считается пиком «схватки за Африку» и на которой европейские колонизаторы окончательно поделили между собой Черный континент по параллелям и меридианам.

О деструктивной роли местных элит (в те времена это были в основном местные военные элиты и племенная знать) в колониальном разделе мира английский исследователь империализма Гобсон в начале XX века писал: «Великобритания пошла дальше всех. Большую часть тех сражений, которыми мы завоевали нашу индийскую империю, вели наши войска, составленные из туземцев; в Индии, как в последнее время и в Египте, большие постоянные армии находятся под начальством британцев; почти все войны, связанные с покорением нами Африки, за исключением ее южной части, проведены для нас туземцами»¹.

В наше время состав национальных элит расширился и количественно, и структурно. Политические,

экономические, культурные элиты в государствах, представляющих геополитический интерес или являющихся глобальными конкурентами, становятся объектами манипуляции и давления Запада.

Целенаправленная поддержка Западом оппозиционных и антиправительственных сил в национальных элитах неоднократно приводила к смене правящих режимов в обход избирательного процесса, к цветным революциям, а во многих странах Ближнего Востока — к катаклизмам «арабской весны» и ее постэффектам.

В современном сложно структурированном мире как в развитых, так и в развивающихся странах национальные элиты неоднородны. Разные группы элит сильно различаются по степени влияния. Уровень влияния элиты, ее иерархическая «высота» нередко отражается в наименовании: мировая, региональная (например, элита Евросоюза), национальная (страновая), локальная (местная) элита. В России и ряде постсоветских республик термин «национальная элита» нередко используется для обозначения этнических элит (например, элиты титульных народов автономных республик). В этой статье мы используем определение «национальная» в стандартном международном понимании, то есть как относящаяся к какому-то определенному государству.

Существует множество критериев, по которым современная наука типологизирует национальные элиты. В академической литературе и политической публицистике едва ли не самой распространенной является классификация, в основу которой положена дифференциация элит в соответствии с видом профессиональной деятельности (военная, научная, судебная, театральная и т. п.) или с устоявшейся ролью их представителей в общественно-политической жизни государства, фактически тоже профессиональной, но в более широком смысле (политическая, культурная).

Как правило, профессиональная типологизация элит в силу своей относительной конкретности оказывается более объективной и более четко очерчивает границы конкретной элитной группы, чем многие другие. Однако существуют и иные классификации, с более расплывчатыми границами элит и массой взаимно перекрывающихся сегментов, например: патриотическая и компрадорская, властная и оппозиционная. Определить принадлежность или отнести какие-то лица или группы граждан государства к любой из них — действие достаточно субъективное. Дело в том, что нередко разные группы людей в зависимости от их позиций, мировоззрения и жизненного опыта могут считать одни и те же поступки или взгляды представителей элит и патриотическими, и предательскими. Кроме того, в научной литературе встречается много градаций, категорий и подкатегорий элит².

Чтобы санкции или другие репрессивные меры в отношении национальных элит привели к желательному эффекту, стране-репрессору необходимо обеспечить выполнение двух обязательных условий. Во-первых, нужно правильно определить фокусный слой внутри элиты, который был бы в состоянии стать ведущей силой по смене курса (режима) и, если не удастся решить

¹ «Great Britain has gone farthest. Most of the fighting by which we have won our Indian Empire was done by natives; in India, as later in Egypt, great standing armies were placed under British commanders; almost all the fighting associated with our African dominions, except in the southern part, was done for us by natives» (см.: *Hobson J. A. Imperialism: A Study. Originally published by George Allen & Unwin LTD in 1902. Reprint 2002. N. Y. : Cosimo Inc., 2005. P. 136–137.*)

² Подробнее см., например: *Крытановская О. Анатомия российской элиты. М., 2005.*

задачу путем «дворцового переворота», мобилизовать против действующей власти «народные массы». Это означает, что фокусная группа должна быть, с одной стороны, достаточно сильна для коллективного воздействия на власть, а с другой — манипулируема настолько, чтобы решиться на рискованные действия.

Например, вводимые адресные санкции должны ущемить жизненные интересы этой части элиты настолько, чтобы заставить ее с риском для себя пойти против существующей власти и добиваться смены политической линии страны или ее высшего руководства. Другими словами, сила и характер санкций должны быть такими, чтобы оказавшиеся под их угрозой представители элиты опасались бы их больше, чем наказания со стороны национальных властей. Сочетание страха перед санкциями и опасения неизбежной кары со стороны властного режима за свое предательство лишь усиливает возможности для внешнего политического манипулирования таргетируемыми слоями национальных элит. Повышается их «усердие» по понуждению руководства страны к изменению курса. В более сложных случаях на эту часть элит манипуляторами возлагается задача обеспечения смены режима без прямого военного вмешательства извне. Эти методики лежат в основе многих удачных сценариев так называемого народного волеизъявления — от распада СССР до успехов технологии цветных революций во многих частях планеты.

Если таргетированные манипуляторами слои национальных элит начали активные практические действия по смене режима, но не смогли самостоятельно решить поставленную задачу, то, как показывают примеры Ливии, Сирии, Йемена и других стран, может последовать прямое военное вмешательство извне. В этом случае изначальные санкции и другие манипуляционные меры будут служить делу легитимизации внешней агрессии, камуфлируемой под поддержку народа, восставшего против репрессивного, коррумпированного, или антидемократического, режима на борьбу с диктатурой и т. п.

Национальные элиты уязвимы для политического манипуляционного воздействия извне в разной степени. Степень этой зависимости определяется конкретными условиями их формирования и особенностями социально-экономического развития их государств. В условиях глобализованного мира, где по сравнению с прежними временами для всех акторов очень высок уровень свободы трансграничных действий (будь то инвестирование, миграция, международные аресты или конфискации), возросли и возможности манипулирования элитами. Болевыми точками для манипулирования представителями последних становятся сохранность их иностранных вложений, судьба заграничной недвижимости, возможность для детей и родственников быть резидентами иностранных юрисдикций, внешнее покровительство, «страхующее» от ареста, и т. п. Неудивительно, что национальные элиты становятся объектом для потенциально-го внешнего давления. Сила санкционного давления определяется опытным путем. При недостаточности первичных санкционных мер сила давления может постоянно увеличиваться в пределах, определяющихся

экономическим и (или) геополитическим потенциалом страны-репрессора.

Какие именно слои национальной элиты представляют особый интерес для внешнего политического манипулирования?

Как видно из предшествующего рассмотрения, детерминантами выбора являются: а) способность объекта манипулирования исполнить волю манипулятора и б) наличие у объекта достаточных побудительных стимулов (позитивных или негативных) к ее исполнению. При этом фундаментальными стимуляторами для всех социальных слоев и групп будут инстинкт самосохранения (групповой и индивидуальный), властные амбиции и материальные соображения (сохранение или приумножение имеющихся активов всех видов).

Если принять во внимание эти соображения, то приближенные к власти слои элиты выглядят для манипуляторов более привлекательным объектом давления, чем оппозиционные, или контрэлиты. Оппозиционная элита — часть национальной элиты, борющаяся за власть в рамках существующей политической системы (например, элита лейбористов во время правления консерваторов в Великобритании, в Южно-Африканской республике — представители национальной элиты из партий, противостоящих Африканскому национальному конгрессу). В странах Ближнего Востока и Африки оппозиционные элиты обычно слабо консолидированы, но амбициозны и нередко легко идут на сотрудничество с внешними силами в надежде на их поддержку в борьбе за власть.

В тех странах рассматриваемых регионов, где существуют многопартийные политические системы, члены парламентов от оппозиционных партий являются составной частью существующей политической системы. В той или иной степени вольно или невольно они легитимизируют существующую власть, и многие заинтересованы в ее сохранении. При этом за редким исключением в политическую элиту страны они входят лишь постольку, поскольку являются членами парламентов либо занимают другие значимые позиции в политической системе.

О. Крыштановская¹ и В. Очирова противопоставляют оппозиционной элите контрэлиту. Она (контрэлита) — не правящая группа в обществе, а потому готова и даже стремится к изменению существующей в государстве политической системы. Как замечает В. Очирова, контрэлита претендует на высокий или даже доминирующий статус при декларируемой оппозиционности по отношению к лидерам элиты или даже всей элите в целом². В странах Африки и Ближнего Востока контрэлиты для достижения своих целей готовы к сотрудничеству с внешними силами и охотно принимают правила игры политических манипуляторов Запада.

При наличии несомненных преимуществ в работе зарубежных манипуляторов с оппозиционными и контрэлитами есть и минусы. Главный из них — отстраненность этих частей национальной элиты от реальной власти в стране и затрудненный доступ к ее высшему руководству. Это практически исключает

¹ Крыштановская О. Указ. соч.

² Очирова В. Структура политической элиты // Вестник ЧитГУ. 2010. № 7. С. 78.

смену режима по сценарию «дворцового переворота» в целевой стране представителями этих групп элит.

В связи с этим более эффективна опора на представителей властных элит и особенно местного олигархата. Сверхбогатые представители национальных элит (местный олигархат) практически всегда встроены в структуры мировых элит. Они сильно зависят от глобального истеблишмента и стремятся сохранить в нем свое положение. В отношении них санкционные меры и требования отчетности о происхождении их богатства являются мощным орудием политического и индивидуального манипулирования. Учитывая, что число миллионеров и миллиардеров во многих государствах, в том числе в самых бедных странах Африки и Ближнего Востока, растет, усложняются их взаимоотношения с властью, с внешними силами и внутри своего круга, объективно расширяются и возможности манипулирования: шантажа, игры на противоречиях, прямого подкупа и т. д.

Согласно докладу Boston Consulting Group о богатстве в мире, опубликованному в июне 2018 года, миллиардерам и миллиардерам в настоящее время принадлежит почти половина мирового личного богатства, по сравнению с чуть менее 45 % в 2012 году¹. В составе инструментов манипуляционного прессинга в отношении этой части национальных элит чрезвычайно важна роль принадлежит глобальному информационно-коммуникативному воздействию на объект манипулирования². Последний в силу своего положения как значимой публичной персоны оказывается под огнем информационных атак и угрозой репутационных потерь практически круглосуточно и в любой точке мира.

Сегодня ушли в прошлое деклариовавшиеся некогда «незыблемыми» принципы капиталистической свободы зарабатывать и бесконтрольно распоряжаться своими деньгами. В мире все более распространяются различные формы контроля над индивидуальным богатством, декларируется требование к чистоте происхождения состояния и транспарентности источников доходов. Эти — на самом деле справедливые — требования превратились в эффективное орудие манипулирования бизнес-элитами стран Азии и Африки и давления на политических деятелей и деловую элиту. В некоторых случаях надуманные обвинения в неясности происхождения доходов или недостаточной транспарентности структур собственности превращаются в инструмент международной коммерческой конкуренции.

Власти развитых стран требуют соблюдения прозрачности не только при операциях с собственностью в реальном секторе экономики, но и в деле хранения средств на банковских счетах и даже при использовании виртуальных расчетных единиц, включая криптовалюты.

Ясное видение распределения богатства и контроль над ним со стороны правительств имеют важное значение для власти. Государство не может позволить себе оставить этот важный ресурс полностью в руках частных лиц из страха перед их непредсказуемо независи-

мым поведением. Оно опасается, что богатство как ресурс может попасть под чужой контроль. В то же время, контролируя движение финансовых средств, состав и объемы собственности иностранных юридических и физических лиц, выявляя конечных бенефициаров в различных транзакциях, государство приобретает информационные и иные рычаги давления на собственников и политического манипулирования ими.

Такое политическое манипулирование, санкционное давление и правовые рестрикции в отношении национальных элит создают существенные риски для общества, экономики, системы государственного управления. В глобальном плане происходит расшатывание устоявшихся правовых, политических, экономических, культурных и гуманитарных основ международных отношений. Рушатся долго и трудно выстраивавшиеся взаимосогласованные инструменты и институты глобального сосуществования и взаимодействия государств. Нарастает нестабильность, чреватая катастрофическими международными последствиями.

В глобальных масштабах набирает силу феномен односторонней корректировки Соединенными Штатами и рядом стран Запада правил «легитимного» поведения в мире, изменения сложившихся в нем финансово-экономических и регуляторно-правовых правил игры и подрыва некоторых институтов управления.

В условиях резкого обострения противостояния ведущих стран Запада России они активно используют новые и совершенствуют старые инструменты давления на разные слои российского общества с целью добиться желательных Западу изменений в балансе политических сил в стране, ограничить возможности ее экономического роста и модернизации экономики, подъема уровня жизни основной части населения. Сам факт укрепления экономических и внешнеполитических позиций России, улучшения ее международного имиджа и влияния рассматривается как вызов и угроза сложившемуся после развала СССР миропорядку. В составе средств сдерживания «российской угрозы» большое внимание геополитические конкуренты уделяют мерам санкционного и иного давления на экономическую, политическую и культурную элиты страны в надежде побудить их представителей к действиям, направленным на смену политического курса Российской Федерации. Давая оценку этим веяниям, президент России назвал санкции древним инструментом, который «применяется многими, в том числе американскими партнерами». «Просто это способ конкурентной борьбы — нелегитимный, нечестный, но это так», — пояснил В. В. Путин, добавив, что это также является «попыткой сдержать рост обороноспособности нашей страны»³.

В связи с этим перед российской наукой встает задача обобщить существующую мировую практику в рассматриваемой области и проанализировать источники, характер и типы санкционных угроз в отношении элит и международного опыта противодействия нелегитимному давлению в странах Африки, Ближнего Востока, Содружества Независимых Государств и других регионах мира.

¹ <https://www.bcg.com/ru-ru/publications/2018/global-wealth-seizing-analytics-advantage.aspx> (дата обращения: 18.03.2019).

² Фитунни Л. Л., Абрамова И. О. Политическое манипулирование национальными элитами — средство сохранения существующего миропорядка // Ученые записки Института Африки РАН. 2018. № 3 (44). С. 11–17.

³ Цит. по: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5a9fa61c9a794768526e548f> (дата обращения: 20.03.2019).